

Письма Н. Лескова в редакцию. Николай Семенович Лесков leskovnikolai.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://leskovnikolai.ru/> Приятного чтения!

Письма Н. Лескова в редакцию. Николай Семенович Лесков

(Литературное объяснение)

Моя небольшая книжечка «О тульском левше и о стальной блохе» вызвала несколько литературных отзывов, из которых два убеждают меня в надобности сделать маленькое объяснение.

Говоря это, я разумею отзывы «Нового времени», которое нашло, что в моем рассказе народ несколько принижен, и отзыв «Голоса», которому кажется, что в этом рассказе народ очень польщен. Притом, как рецензенты «Нового времени» и «Голоса», так и все другие, высказавшие свое мнение о «левше», в одно слово утверждают, будто сказ о левше есть «легенда старая и общеизвестная».

Это требует поправки, и я прошу позволения ее сделать.

Все, что есть чисто народного в «сказе о тульском левше и стальной блохе», заключается в следующей шутке или прибаутке: «англичане из стали блоху сделали, а наши туляки ее подковали да им назад отослали». Более ничего нет «о блохе», а о «левше», как о герое всей истории ее и о выразителе русского народа, нет никаких народных сказов, и я считаю невозможным, что об нем кто-нибудь «давно слышал», потому что, – приходится признаться, – я весь этот рассказ сочинил в мае месяце прошлого года, и левша есть лицо мною выдуманное. Что же касается самой подкованной туляками английской блохи, то это совсем не легенда, а коротенькая шутка или прибаутка, вроде «немецкой обезьяны», которую «немец выдумал», да она садиться не могла (все прыгала), а московский меховщик «взял да ей хвост пришил, – она и села».

В этой обезьяне и в блохе даже одна и та же идея и один и тот же тон, в котором похвальбы могло быть гораздо менее, чем мягкой иронии над своею способностью усовершенствовать всякую заморскую хитрость.

Рецензент «Нового времени» замечает, что в левше я имел мысль вывести не одного человека, а что там, где стоит «левша», надо читать «русский народ».

Я не стану оспаривать, что такая обобщающая мысль действительно не чужда моему вымыслу, но не могу принять без возражения укору за желание принизить русский народ или польстить ему.

Ни того, ни другого не было в моих намерениях, и я даже недоумеваю, из чего могли быть выведены такие крайне противоречивые заключения. Левша сметлив, переимчив, даже искусен, но он «расчет силы не знает, потому что в науках не зашелся и вместо четырех правил сложения из арифметики все бредет еще по псалтырю да по полусоннику». Он видит, как в Англии тому, кто трудится, – все абсолютные обстоятельства в жизни лучше открыты, но сам все-таки стремится к родине и все хочет два слова сказать «государю о том, что не так делается, как надо», но это левше не удастся, потому что его на «парат роняют». В этом все дело.

Я никак не могу согласиться, чтобы в такой фабуле была какая-нибудь лесть народу или желание принизить русских людей в лице «левши». Во всяком случае, я не имел такого намерения.

Николай Лесков.

10 июня 1882 г.

С.-Петербург.

Письмо в редакцию

(Об отчислении Н. С. Лескова «без прошения» от службы в Ученом комитете министерства народного просвещения)

Малозначительное событие – оставление мною службы в Ученом комитете министерства народного просвещения – неожиданно для меня сделалось предметом разнообразных толков, которые частью проникли в печать и, как у нас сказано, – «возбуждают недоумение», которое я имею побуждение разъяснить.

Я отчислен от министерства «без прошения» по причинам, лежащим совершенно вне моей служебной деятельности, которая в течение десяти лет признавалась полезною

Письма Н. Лескова в редакцию. Николай Семенович Лесков leskovniko1ai.ru и никогда не привлекла мне никакого упрека и ни одного замечания при трех министрах: графе Д. А. Толстом, А. А. Сабурове и бароне Николаи. Для оставления службы мне не вменено никакой вины, а указана только «несовместимость» моих литературных занятий с службою.

Ничего более.

В том, что я отчислен не по прошению, а «без прошения», тоже нет ничего меня порочащего или обидного. Мне была предоставлена полная возможность отчислиться по той форме, которая обыкновенно признается удобнейшею, но я сам предпочел ту, которая, на мой взгляд, более верна истинному ходу дела.

Этим, я надеюсь, могут быть разъяснены все «недоумения» моих ближайших и дальних друзей и недругов.

Николай Лесков.

8 марта 1883 г.

С.-Петербург.

Письмо в редакцию

К прискорбию для себя и к очевидной досаде редакции, может быть и для некоторых читателей, я должен отказаться продолжать печатание начатого у Вас романа «Соколий перелет». Я сознаю всю неловкость этого отказа, но не могу поступить иначе. Роман этот начат писанием давно – более двух лет назад, при обстоятельствах, которые для печати весьма разнятся от нынешних. В романе я хотел изобразить «перелет» от идей, отмеченных мною двадцать лет назад в романе «Некуда», – к идеям новейшего времени. В романе «Соколий перелет» также должны были выступить на свет и многие из лиц, известных публике по роману «Некуда», который в одной из критических заметок г-на П. Щ«ебальского» был назван «пророческим». Во многом действительно намеченное в том романе совершилось как по писаному. Каков бы показался в этом общественном значении роман «Соколий перелет», – я не знаю; но я хорошо знаю, что он не пошел в тон нынешнему взгляду на литературу, и во что бы то ни стало я останавливаюсь. Останавливаюсь просто потому, что, – верно или неверно, – я нахожу эту пору совершенно неудобною для общественного романа, написанного правдиво, как я стараюсь по крайней мере писать, не подчиняясь ни партийным, ни каким другим давлениям.

Приношу этим письмом мою повинную редакции и всем подписчикам газеты.

Взамен этого романа я напишу Вам и сообщу в нынешнем же году для напечатания роман чисто бытового характера, на мотив всегда удобных для разработки положений: «Влюбился и женился» или «Влюбился и застрелился».

Конечно, я употреблю все от меня зависящее, чтобы обмен этот не был для ваших подписчиков невыгоден, и постараюсь дать интересное чтение.

Николай Лесков

С.-Петербург.

10 марта 1883 г.

Письмо в редакцию

О Ефиме Ботвиновском

Милостивый государь! В № 23 «Новостей» от 24 апреля воспроизведен отрывок из моих воспоминаний о «предобром отце Ефиме». Я очень рад, что праведная память этого великодушного человека обращает на себя внимание печати и через то делается известною большому числу людей. Доброго и великодушного человека всегда помянуть полезно, но в моем рассказе об отце Ботвиновском есть вещи, которые могут казаться и действительно кажутся вполне несбыточными и невероятными. Это и совершенно понятно по чрезвычайной непосредственности характера описываемого лица, которое было столь оригинально, что я непременно должен был представить его характеристику в таком органе, редакции которого удивительный и невероятный отец Ботвиновский и все о нем сообщаемое были так же близко известны, как и мне. «Предобрый Ефим» был мне друг и также в дружбе находился с епископом филаретом филаретовым и с феофаном Гавриловичем Лебединцевым, нынешним редактором выходящего в Киеве журнала «Киевская старина». Сему последнему я и отдал мои «юношеские воспоминания», в составе которых «предобрый Ефим» составляет только эпизод. Но давая «Ефима» «Киевской старине», я просил Ф. Г. Лебединцева не полагаться без проверки на мою память и по возможности поверить мои сказания и особенно невероятные из них (как, например, погребение дамы под престолом Троицкой церкви) подкрепить заверением или же вовсе выпустить. Редактор

Письма Н. Лескова в редакцию. Николай Семенович Лесков leskovniko1ai.ru «Киевской старины» исполнил мою просьбу с доброй приязнью и рассказы мои о Ефиме проверил и сделал о том от себя удостоверение («Киевская старина», апрель 1883 г., стр. 700). Это для меня, по очень многим и очень солидным причинам, – важно и даже необходимо. «Церковно-общественный вестник» Ал. Ив. Поповицкого воспроизвел рассказ об отце Ефиме из «Киевской старины» (с моего согласия), но при перепечатке опустил имеющее для меня большое значение подстрочное примечание редактора «Киевской старины» Ф. Г. Лебединцева. Этим у рассказа отбавилось достоверности, на которой я непременно желаю настаивать. «Новости» заимствовали рассказ мой о «предобром» Ефиме из «Церковно-общественного вестника», и потому, конечно, совсем не могли указать на то, чем дело удостоверено.

Я уже просил А. И. Поповицкого дать место моим строкам, которые бы содержали желательное мне пояснение, и вас имею честь просить о том же самом.

Николай Лесков.
<24–26 апреля 1883 г.>
Письмо в редакцию
Милостивый государь

г. редактор.

В 20 № московской «Газеты Гатцука» напечатана заметка, в которой между прочим сравниваются мои литературные коварства с чистосердечием, которое обнаружил по отношению митрополита Филофея писатель Третий Филиппов, имевший свою роль в деле Булах.

Эту статью и приведенное в ней четверостишие приписывают мне.

А как я этой статьи не писал и имею свои причины желать, чтобы на мой счет ни теперь, ни после не было поставлено ничто, написанное о г-не Филиппове безыменно, и в раздражении, и в обиде, для которых в названной статье указаны поводы, то в некоторых литературных целях я имею честь просить вас, г. редактор, дать мне возможность объяснить в вашем издании, что я названной статьи о г-не Филиппове не писал и не мною тоже сочинено четверостишие, оканчивающееся строками:

И дорогое имя Третия.
Блестит уже в лучах бессмертия.
Мне об этом стихотворении известно только то, что известно очень многим в нашей столице, то есть что стихотворение это начертано под портретом г-на Филиппова, который он довольно охотно показывает.

Сколько я помню об этом стихотворном начертании, мне кажется, что «имя Третия» там названо не «дорогое», а «всеблагое». Впрочем, который из вариантов вернее, – я не знаю.

Николай Лесков.
С.-Петербург,
29 мая 1884 г.
Письмо в редакцию
Об обеде Н. С. Лескову
В 44 № «Еженедельного обозрения» упоминается о намерении почтить меня каким-то знаком внимания по поводу исполнившегося двадцатипятилетия моих занятий литературою. Там сказано, что намерение это «отложено» на 1885 год.

Дозвольте мне сказать, что это намерение не отложено, а совсем оставлено, по усердной моей просьбе, для которой я имел уважительные, в моих глазах, причины.

Николай Лесков.
15 октября 1884 г.
С.-Петербург.
Авторское признание
Открытое письмо к П. К. Щебальскому
Давняя и, смею надеяться, искренняя литературная приязнь наша сказала с Вашей стороны очень дорогим для меня вниманием. Мне присланы 248, 249 и 252 №№ «Варшавского дневника», где напечатаны критические статьи о моих сочинениях. Это пришлось как раз ко времени совершившегося двадцатипятилетия моих занятий литературою. Внимание чрезвычайно милое и мне необыкновенно приятное. Старый

Письма Н. Лескова в редакцию. Николай Семенович Лесков leskovniko1ai.ru испытанный друг, живя вдалеке, на окраине вспомнил меня и помянул не злом и не клеветой, которых я перенес немало. Но дороже всего мне то, что дружба Ваша высказалась ко мне не только снисходительно, но и оправдательно. Я говорю об отношении Вашем к одному много раз воздымавшемуся против меня обвинению, которое я имею основание считать несправедливым и незаслуженным. В статьях Вашей газеты сказано, что я большею частью списывал живые лица и передавал действительные истории. Кто бы ни был автор этих статей, – он совершенно прав. У меня есть наблюдательность и, может быть, есть некоторая способность анализировать чувства и побуждения, но у меня мало фантазии. Я выдумываю тяжело и трудно, и потому я всегда нуждался в живых лицах, которые могли меня заинтересовать своим духовным содержанием. Они мною овладевали, и я старался воплощать их в рассказах, в основу которых тоже весьма часто клал действительное событие. Так почти написано все, а по преимуществу роман «Некуда», в котором, однако, критики упорно желают видеть тенденциозность. Вы знаете и многим известно, что этот роман представляет многие действительные события, имевшие в свое время место в некоторых московских и петербургских кружках. Я терпел самые тяжелые укоризны именно за то, что списал то, что было, и потом это же самое вменено мне в «тенденциозность», которую попрекают меня и доселе. Тенденция от французского *tendance* или от латинского *tendere* значит тянуть, стремиться, иметь склонность, направление. К чему же я тянул в «Некуда»? Об этом пора сказать, и я хочу это сказать именно у Вас – в газете человека, который ближе многих знает мои убеждения. Я ни к чему не тянул. Я только или описывал виденное и слышанное, или же развивал характеры, взятые из действительности. Я даже действовал во вред той тенденции, которую мне приписывают, и теперь сам покажу это. Роман «Некуда» считается самым противосоциальным, и между тем едва ли не в нем в одном представлен в лице Райнера молодой социалист с доброю душой и с нежными, честными побуждениями. Я не разделял и не разделяю социалистических стремлений, но я написал такое симпатическое лицо потому, что я видел перед собою такого живого человека, жившего среди нас во время, которое представл<ает> мой рассказ. <Это> уроженец того края, где вы теперь трудитесь, – это был Артур Бенни, сын протестантского пастора из Томашева Равского, с которым нас соединяла горячая дружба, несмотря на коренное несходство нашего политического идеала. Он был оклеветан в Петербурге теми, которые с ним единомыслили, был выслан из России и потом убит под Ментаной в гарибальдийском отряде. Я никогда не разделял его утопий, но я знал его чистым и прекрасным юношей, который трогал своих судей своим благородным чистосердечием, и я таким его изобразил в вымышленном лице Райнера. Таким же после его смерти я представил его и под собственным его именем в книжке «Загадочный человек», которую я написал по совету Ив<ана>, Серг<еевича> Тургенева. Если бы тенденциозность или желание «тянуть» господствовало во мне над желанием изобразить правдивую картину тогдашних нравов, – я думаю, мне незачем было привлекать к делу лицо столь симпатичное, несмотря на то, что заботы его жизни не казались мне достойными подражания. И тем не менее я его написал с любовью, как тип, выражавший данное время и данный ассортимент характеров. Так поступал я и всегда и во всем, что мною написано. Я сберегал хорошее в каждом лице и думал, что в этом есть долг правдивого писателя, каким я по крайней мере старался быть. Отрицательные типы действительно я писал хуже, чем положительные, потому что мне тяжело изображать такие характеры, не гармонирующие с моим личным настроением, но все же я не мог рисовать без теней, по-китайски. В моей памяти накоплялись лица такие и иные... И как могло быть это иначе?... И вот это-то я хотел бы с вашего позволения поставить теперь на вид автору напечатанных у вас обо мне статей. При всей его ко мне внимательности он, кажется упустил из вида, например, то, что в книге «Мелочи архиерейской жизни» есть пленительно добрый филарет Амфитеатров, умный Иоанн Соловьев, кроткий Неофит и множество добрых черт в других персонажах. Мне очень жаль, что это обыкновенно опускается и что у Вас случилось то же самое. Правдивое слово на этот счет не было бы лишним для тех, кто, порицая в художнике тенденцию, сам не замечает, что сам же он и требует от меня односторонности или тенденциозности, вполне неудобной для писателя, желающего оставить истинные картины нравов своего времени. Как директор политической органа, вы, может быть, смотрите на некоторые вещи иначе, чем я, и я готов признать за вашим взглядом превосходство, но сам я желаю остаться только тем, чем есть и чем могу быть, то есть художником, изображающим то, что подпадает моему наблюдению. Я что вижу, то и пишу, и очень вам благодарен, что вы, единственный старый литературный друг мой, высказали его с тем прекрасным чистосердечием, которое давно и навсегда заставило меня любить и уважать вас. Поверьте, что ваш критик не обманулся; поверьте, что если бы меня «тянула» не любовь к выражению житейской правды, а «тенденция», то я иначе бы нашелся когда и куда потянуть. Я никогда об этом не думал.

Письма Н. Лескова в редакцию. Николай Семенович Лесков Leskovniko1ai.ru
Николай Лесков.
С.-Петербург.

10 декабря 1884 г.

Объяснение по трем пунктам

Когда оскудевает материал, доступный для литературной разработки, гг. писатели нередко обращаются к очищению критикою собственного литературного кружка. Мне в свое время приходилось много послужить собою для такой потребности и ныне опять довелось стать на очередь: с трех сторон летит в мое окно «крылатое слово». Во-первых, одно издание, при розыске, «до чего дошла наша литература», ставит, не знаю в который раз, на вид объявление об «указке», составленной мною для отыскания данных мест в св. писании. Это почему-то представляется за дело, недостойное литератора, – за дело, которое будто бы унижает литературу. Другой журнал недоволен встречей моего имени во многих изданиях и говорит, что я «сделал из моей музы потаскушку». Третий видит дурное в том, что я «воспользовался случаем в Якобштадте и тотчас пустил язвительную статью, которая связывает настоящее с прошлым». Это говорится о столкновении в Вейсенштейне, в 1867 году, которое описано мною в «Историческом вестнике» за февраль 1885 года.

Я чувствую потребность объясниться по всем этим трем обвинениям.

§ 1. Я действительно составил «указку», с помощью которой всякий может без затруднения отыскать требуемое место в Новом завете. Я тоже и напечатал эту «указку» в виде «полосок», которые можно удобно держать в книге, как закладку. Во всем этом я признаюсь. Причина, побудившая меня напечатать такую указку, была следующая: в учебных заведениях одно время стали упражнять детей в изучении св. писания и спрашивали ответы, за которые ставили отметки, а пособия, вроде указки, не давали. Это детей очень затрудняло. Помнит дитя, что есть такое слово в св. писании, а отыскать его не умеет. У меня жил милый ребенок, и я видел его затруднения и терзался ими. Потому я захотел помочь дитяти и составил для него указку. Указка моя полюбилась другим детям, и я издал ее для общего пользования (по 2 коп. за штуку, – из коих 1 коп. идет книгопродавцу). Я думал, что я этим не сделал ничего худого ни для детей, ни для взрослых, которые тоже берут мои указки, и о сю пору не понимаю – что худого в том, что я издал указку? Не могу понять, кого я этим обидел и у кого должен просить прощения? Всех откровеннее разъяснил это с самого начала литератор, писавший в «Петербургской газете» под псевдонимом «Оса». Он первый заметил мою указку и первый в свое время посмеялся надо мною в «Петербургской газете». По его словам, дурно было то, что я «взялся за поповское дело», но это несправедливо: из русского духовенства никто такой указки не составлял и не издавал. В данном случае я просто сделал такое маленькое дело, которое вызывалось потребностью и которого между тем никто не делал. Но если даже есть основания считать это и за «поповское дело», то это до меня не касается и я не вижу в этом такого крайнего проступка, который стоило бы из года в год каждый великий пост причитать: «Вот до чего дошла наша литература!»

Может быть, можно указать случаи, где она доходит до чего-нибудь гораздо более предосудительного.

Я имел в виду одну детскую пользу и важность евангелия, в котором, по моему убеждению, сокрыт глубочайший смысл жизни.

§ 2. Имя мое, как говорят, «треплется и веется», – «муза моя пущена, как уличная потаскушка». Это сказано сильно, но несправедливо. «Потаскушка» в данном случае заменяет другое слово, которое в печати тоже употребляется, но не поставлено, очевидно, из некоторой ко мне снисходительности. Автор пощадил меня, что называется, «по старой памяти». В том смысле, в котором слово «потаскушка» употреблено применительно к моей «музе», оно должно выражать неразборчивость, склонность вращаться, где попало. Моя муза будто идет, куда ее поманут. Стало быть, она продажна...

Если уж пошло на сравнения, то «муза» моя не похожа на «потаскушку», ибо – она своих ласок не продавала и не продает. Ее положение, кажется, гораздо удобнее сравнить с положением скромной девушки, которая умеет делать изрядные работы, но не желает исполнять их по всякому фасону. Чтобы не сидеть без дела и не щеголять ни безстудием лица, ни постною харею, она покрылась простым платочком и ходит на поденщину...

Мне кажется, что она сделала еще не самое худшее из того, между чем ей

Письма Н. Лескова в редакцию. Николай Семенович Лесков leskovniko1ai.ru предстояло выбирать. Лучше работать по-рыночному, кому попало, чем с притворным благоговением нести мишурные шнуры чьего бы то ни было направленного штандарта.

§ 3. Статью «Подмен виновных», может быть, и есть возможность привести в какое-нибудь историческое соотношение с недавним яacobштaдтским происшествием, но я не имел этого в виду и могу это доказать.

Статья «Подмен виновных», напечатанная в февральской книге «Исторического вестника», была мною написана тогда, когда о яacobштaдтском случае еще и слуха не было. Статья эта, содержащая рассказ о событии, имевшем место восемнадцать лет назад, была написана мною прошлым летом. Осенью она уже была отдана в редакцию журнала «Новь» и оттуда возвращена мне г. Вольфом в числе других моих рассказов, целиком не пропущенных для «Нови» цензурой. В «Историческом вестнике» статья эта была не только набрана, но даже и отпечатана прежде, чем случилось что-то в яacobштaдте. В этом я пошлюсь как на А. М. Вольфа, так и на редактора «Исторического вестника», С. Н. Шубинского. Двух свидетелей, полагаю, достаточно.

За сим писанный кланяюсь
Николай Лесков.
<1885>
<В редакцию журнала «Новь»>
Милостивый государь Александр Маврикиевич!

Мой роман «Незаметный след» остался неоконченным. Печатание его оборвалось на первой части, что крайне неприятно как лично для меня, так равно для читателей и редакции «Нови».

Приступая к печатанию моего романа, редакция «Нови» была гарантирована письменным условием между мною – автором романа, и вами – редактором-издателем «Нови», в своевременном доставлении всего романа, так что печатание «Незаметного следа» должно было окончиться еще в марте.

Но разные неблагоприятные обстоятельства, о которых неуместно было бы говорить здесь, – помешали мне исполнить принятое мною на себя обязательство. Единственно по моей вине редакция «Нови», окончив печатание первой части романа, не могла напечатать окончание его, – в чем я и извиняюсь перед читателями журнала, а также и перед редакцией, которую я, совершенно неожиданно для самого себя, поставил в такое неловкое положение в отношении подписчиков журнала.

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном почтении.

Н. Лесков.
<Сентябрь 1885 г.>
Чужое заглавие
(Письмо в редакцию)
Позвольте мне сделать заявление, к которому я вынужден довольно странным поступком одной маленькой издательской фирмы.

В текущем 1887 году, по весне, книгопродавческая фирма М. О. Вольф выпустила книжку моих «Рассказов кстати». Это были фельетонные рассказы, написанные а rорос, по поводу того или другого из современных происшествий. Потому они и названы «Рассказы кстати». Цена их 2 руб. 50 коп.

Ныне же фирма Вольф прислала мне книжку, вышедшую на сих днях в Москве, под тем же самым моим заглавием: «Рассказы кстати», с ценою 1 руб. 25 коп. Кто автор названных московских рассказов, – я не знаю, а издателем ее обозначена фирма «Сверчок».

В интересах моего издателя я нахожу вынужденным заявить, что московские «Рассказы кстати» писаны не мною и что на эксплуатацию заглавия, под которым мои рассказы были писаны и потом отдельно изданы, – у меня никто согласия не спрашивал.

Николай Лесков.
12 октября 1887 г.
Петербург.
<Письмо в редакцию «Нового времени»>

Письма Н. Лескова в редакцию. Николай Семенович Лесков leskovniko1ai.ru Усвоение московской книжке тождественного названия с моею книжкой, изданною в Петербурге Вольфом, было неприятно не мне, а моему издателю. Я был того мнения, что всякий протест в этом случае бесполезен, так как лицо, о котором приходилось упоминать, очевидно держится того взгляда, что в издательстве можно считать позволительным и пристойным все, что не наказуемо по закону. Нынешнее письмо московских издателей должно убедить людей, ранее не согласных со мною, что мои соображения были верны.

Свое вынужденное и очень краткое заявление я ограничил тем, что тождественность заглавия назвал явлением «странным», а о самых московских рассказах сказал только, что «они писаны не мною» и что о присвоении им заглавия моей книжки «меня никто не спрашивал».

Мне кажется, что все это правда и что в словах моих нет никакого принижения чести вовсе неизвестной мне московской фирмы.

Все остальное в письме этих господ можно оставить без дальнейшего слова.

Николай Лесков.

<1887>

Товарищеский подарок
(Письмо в редакцию)

В «Новом времени», 2-го октября, напечатана заметка г. Петербуржца о юбилейных подарках писателям, и при этом сделано указание на вышедшую на сих днях из печати «Библиографию» моих литературных работ с 1860 по 1887 год. Г-н Петербуржец находит, что такие библиографии были бы уместны во всех тех случаях, когда собираются чествовать заслуги писателя, но у нас об этом «должен похлопотать сам юбиляр, как похлопотал, например, г. Лесков». Приблизительно в этом же роде 1 октября по поводу моей «Библиографии» высказался г. Фаресов в газете «День».

Я очень признателен г. Петербуржцу и г. Фаресову за их внимание к моей «Библиографии», но прошу у вас позволения сделать к этим известиям поправку, которая имеет свое значение в возбужденных теперь разговорах о «литературных юбилеях и подарках».

Я не желал бы, чтобы кто-нибудь подумал, что «Библиография» моих сочинений есть подготовка к празднованию моего юбилея. Двадцатипятилетие моей литературной деятельности уже прошло. Два года тому назад некоторые из небольшого числа моих литературных друзей желали чем-то ознаменовать этот день, и об этом тогда проскользнуло известие в «Еженедельном обозрении». Я тотчас же отклонил эту затею и напечатал о том заявление. Друзья мои смилостивились и оставили меня в покое. С тех пор никаких сборов к празднованию моего юбилея не было, нет теперь и не должно быть вперед, так как я считаю это для себя неудобным, незаслуженным, ненужным и ни под каким предлогом ничего подобного никогда не приму. Но и о «Библиографии» своей я тоже не «хлопотал». Она появилась совсем иначе: без моего участия. И деятели и свидетели этого происшествия все налицо и все известны в литературном круге.

Насчет своих литературных работ я всегда был так же беспечен, как и другие, и когда, по весне 1888 года, возникла мысль об издании собрания моих сочинений, то я увидел себя в крайнем затруднении: как обозреть свои собственные работы и как сделать из них соответственный выбор? Тогда молодые писатели Ф. Ф. Александров, В. И. Бибииков и И. И. Ясинский посоветовали мне обратиться к П. В. Быкову, у которого будто бы отмечены все мои работы. Я был этим удивлен, но обратился к г. Быкову, который пожелал мне сделать литературный товарищеский дар – он сам безвозмездно составил и прислал мне «Библиографию» моих сочинений – дар, глубоко меня тронувший и чрезвычайно мне приятный и полезный.

Таково происхождение моей «Библиографии», о которой я нимало не «хлопотал», а которая досталась мне как литературный подарок от товарища, сумевшего сделать для собрата самый дорогой и приснопамятный подарок. Я эту «Библиографию» напечатал на память себе, для раздачи друзьям, и пустил несколько экземпляров в продажу для тех немногих людей в публике, которых это может поинтересовать.

Во всем этом достоин внимания и воспоминания, а может быть достоин и подражания, пример П. В. Быкова, благодаря которому я имею «Библиографию» моих работ. Дар этот сделан мне этим литератором по одной только литературной дружбе, и тем он

Письма Н. Лескова в редакцию. Николай Семенович Лесков Leskovniko1ai.ru мне бесконечно дорог.

Пользуюсь этим случаем, чтобы гласно выразить П. В. Быкову мою искреннюю благодарность за его настоящий литературский дар товарищу.

Николай Лесков.

<1888>

О повести «Зенон-златокузнец»

(Письмо в редакцию)

Некоторые грустные и для меня, как для писателя, весьма многозначачие обстоятельства побуждают меня проесть редакцию «Русских ведомостей» напечатать от меня нижеследующие строки.

В августе 1888 года в петербургских газетах было помещено известие, что я написал повесть из первых веков христианства, под заглавием «Зенон-златокузнец». Потом вскоре же среди разных других литературных новостей было упомянуто, что повесть «Зенон» приобретена редакцией журнала «Русская мысль», который издается в Москве, и что повесть эта будет напечатана в осенних книжках этого журнала.

Все три известия были верны, но одно из них – именно последнее – осталось невыполненным, и это подало повод к таким рассказам и толкованиям, которых я не могу оставить без разъяснения.

В кружках литературных и среди читателей, интересующихся тем, что нового является в литературе, быстро распространились и упорно держатся два крайне неприятные мне известия. Говорят, будто в повести «Зенон-златокузнец» под вымышленным именем представлено мною одно недавно умершее лицо русского происхождения, жившее и действовавшее в Москве, и будто это повело к затруднениям, расстроившим мои отношения с редакторами журнала «Русская мысль», почему повесть «Зенон» и не напечатана в этом журнале.

Оба эти сведения совершенно ложны: никакого охлаждения или разрыва в отношениях моих с редакцией «Русской мысли» не происходило. Отношения наши нынче так же дружественны, как они были до сих пор и каковыми я желаю сохранить их навсегда. Во всей повести «Зенон-златокузнец» нет ни малейшего намека на какое бы то ни было известное «русское лицо», и никто не может указать ни в одном из лиц повести даже случайного сходства в указанном роде. Повесть «Зенон» относится к III веку христианства в Египте. Она, если можно так выразиться, есть повесть обстановочная. Тема для нее взята из апокрифического сказания, давно признанного баснословным, а историческая и обстановочная ее стороны обработаны по Эберсу и Масперо и по другим египтологам. Ничего представляющего какие бы то ни было современные происшествия в России, в Европе или вообще на всем белом свете, – в повести моей нет. Повесть просто представляет интересное старинное происшествие. Герой повести «Зенон» – художник из Александрии, а героиня Нефорис – богатая вдова из Антиохии, влюбленная в Зенона и обращаемая им в христианство. Все событие происходит в конце III или начале IV века в самом городе Александрии и частью на утесе Адер около одного из гирл реки Нила. Никаким сопоставлениям с русскими нравами и положениями там нет и места – в чем я и свидетельствуюсь редакцию «Русской мысли», которой хорошо известно содержание повести «Зенон-златокузнец». Лучшим же подтверждением моих слов может послужить немецкий перевод «Зенона», который сделан с корректурных листов и появится в немецком журнале.

Николай Лесков.

С.-Петербург,

10 января 1889 г.

Об иродовой темнице

(Письмо в редакцию)

Когда я написал у Аксакова «Сказ о тульском левше», в журнальном обозрении «Вестника Европы» было замечено, что сюжет этой легенды будто бы «давно известен» г. обозревателю. Я тогда же должен был признаться, что сюжет этот не мог быть никому известен, так как никакой легенды о «тульском левше» нет, а сюжет этот я сам сочинил и г. обозревателю до напечатания о нем не рассказывал. «Новое время» дало мне возможность это напечатать, и таким образом я тогда же очистил себя от греха, что ввел г. рецензента в заблуждение. Теперь со мной другой случай в подобном же роде, и я опять прошу позволения поправить ошибку другого критика.

Письма Н. Лескова в редакцию. Николай Семенович Лесков leskovniko1ai.ru В «Русской мысли» в ноябре напечатан мой рассказ «Аскалонский злодей» – сирийское происшествие в Иродовой тюрьме, современное императору Юстиниану и императрице Феодоре. В этом рассказе, между прочим, я изобразил «Иродову темницу». Критик газеты «Новостей» А. М. Скабичевский порицает мой рассказ и ставит мне в укор, что мною выдуманно изображение темницы. О достоинствах или недостатках «Аскалонского злодея», разумеется, не мне судить, но о выдумке я позволю себе признаться достопочтенному критику, что мне совсем не нужно было выдумывать изображение старинной Иродовой темницы так как оно есть готовое: я выбрал это описание из древних Прологов, где таких описаний (по частям) можно встретить во множестве. Многим из посещающих меня моих литературных товарищей давно известны мои разнообразные выборки всего, что может быть пригодно для воспроизведения едва намеченных по источникам картин древнехристианской жизни в Египте, Сирии и Палестине. Знают многие и те именно выборки, которые пригодились мне для «Аскалонского злодея», где Прологовые черты мною только сгруппированы, а не выдуманы. Одну из Иродовых темниц, как известно, описали гораздо ранее меня Флобер («Иродиада») и пастор Берсье («Придворный проповедник») Материалы этих почтенных лиц мне неизвестны, а мои материалы я указываю: они в Прологе и Четиих Минеях, где их может найти всякий, кто захочет над этим потрудиться хоть столько, сколько я трудился, составив целое обозрение «Женских характеров по Прологу», которое не знаю когда увидит свет. И кто с этим делом сколько-нибудь знаком, тот в моих описаниях сирийской темницы выдуманности не находит, а находит, наоборот, верное изображение. В этом удостоверяют, во-первых, «Русские ведомости», к редакции которых близок самый лучший знаток жизни древнего христианского Востока, а во-вторых, «Киевлянин» (№ 271), где в отчете об «Аскалонском злодее» читаем такой отзыв: «Вот несколько строк мастерского описания древних тюрем, какие еще и ныне встречаются на Востоке, да и в Европе едва ли давно отошли от сирийских преданий». Если А. М. Скабичевский дорожит справедливостью, которая несколько уместна даже и в критике, то пусть он не утверждает, что я выдумал то, что я, признаюсь ему просто, выписал. Против него за меня есть два свидетеля, которым, кажется, дело ближе его знакомо А впрочем – как ему угодно.

Николай Лесков.

<1889>

Дружеская просьба
(Письмо в редакцию)

Мне стало известно, что друзья мои из литературной и артистической среды положили устроить мне праздник по поводу совершившегося тридцатилетия моих занятий литературою. К этому также присоединяются некоторые знакомые и незнакомые мне лица из общества.

Такое внимание глубоко меня трогает, и я затрудняюсь найти соответствующие слова, в которых мог бы выразить в полноте то, что чувствую; но я болен и не в состоянии вынести никакого продолжительного над собой усилия; а окинуть памятью все, что мне пришлось пережить и перечувствовать в тридцать лет моей литературной жизни, мне не только не легко и не приятно, но это очень тяжело и даже мучительно.

Убедительно прошу всех известных и неизвестных мне друзей моих явить к этому снисхождение и оставить без исполнения вполне неудобную в моем состоянии мысль об устройстве мне юбилейного праздника, так как он был бы для меня величайшей тягостью. С меня слишком довольно радости знать, что обо мне добром вспомнили те люди, с которыми я товарищески жил, и те читатели, у которых я встретил благорасположение и сочувствие. «Сие едино точию со смирением приемлю, благодарю и ничесо же вопреки глаголю». А затем я почитаю мой юбилей совершившимся и чрезвычайно удобно и приятно для меня отпразднованным.

Николай Лесков.

<1890>

Курская трель о Толстом
(Письмо в редакцию)

Вчера в одной из столичных газет воспроизведена корреспонденция курского литератора, посетившего Ясную Поляну и описавшего в местном органе свою побывку у Толстого. Описание это воспроизведено без замечаний и поправок, а оно неверно очень во многом, на что я и хочу указать.

1) Сказано, будто кабинет Л. Н. Толстого «напоминает жилище Обломова», – что там книги, онучи и «овсяные грабли». Описание это сделано очень плохо, а сравнение

Письма Н. Лескова в редакцию. Николай Семенович Лесков leskovnikolai.ru совсем не верно. Для этого только стоит вспомнить подлежащие страницы романа И. А. Гончарова. Кабинет этот лучше описан у Гр. П. Данилевского, хотя тоже неверно.

2) Сказано, будто Л. Н. пьет «густой кофе» с «замечательными по густоте и достоинству сливками», а он на самом деле пьет самый простой зерновой кофе с такими сливками, какие есть на столе для всех.

3) Упомянуто про «учеников», но никаких «учеников» при Льве Николаевиче нет, а бывают у него его друзья и почитатели, но не «ученики» в том смысле, как хочет их представить курский литератор.

4) Старшие дочери Льва Николаевича, которые наичаще при нем находятся, названы «Надежда» и «Любовь», а имена их совсем иные, и нельзя не удивляться: где были уши курского писателя, когда он ел к пил за столом, у которого молодые графини наливают чай или исполняют другие обязанности хозяйек, причем всем или некоторым приходится называть их по именам, но не «Надеждою» и не «Любовью»...

Посещая такого человека, как Л. Н. Толстой, и еще с намерением описать всех, с кем садился за его хлеб за соль, – надо же было по крайней мере позаботиться хоть о том, чтобы верно назвать по имени упоминаемых в описании людей; но курский писатель и об этом не позаботился, а сделал в этом роде такое же смешение, как знаменитый ходок из московского «Курьера» г. Штейнгель.

5) Г-н Штейнгель написал, что он застал у Льва Николаевича распорядителя фирмы «Посредник» Павла Ивановича Гайдукова. Я тогда указал г. Штейнгелю в «Новом времени», что фамилия упомянутого человека не Гайдуков, а иначе, и после в шутку называл его «Не-Гайдуковым», но курский корреспондент, бог его знает на каком основании, (желает?), чтобы Павел Иванович Не-Гайдуков непременно назывался Гайдуковым!.. Так на этом и стоит, что тот непременно должен быть «Гайдуковым»...

Вместе и озорство и неряшество! Напутал, наболтал и сунул в свой орган, и там печатают, а другие оттуда черпают эту болтушку и разносят ее по свету.

А кажется, как бы не понять, какого доверия стоит этот соловей, у которого в короткой песни да столько фальшивых трелей!..

Николай Лесков.

1891

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://leskovnikolai.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!